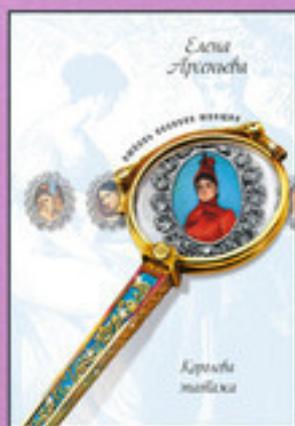

Елена Арсеньева

Страсти-мордасти (Дарья Салтыкова)

*Часть сборника
Королева эпатажа (сборник)*

Королева эпатажа

Елена Арсеньева

**Страсти-мордасти
(Дарья Салтыкова)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Страсти-мордасти (Дарья Салтыкова) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Королева эпатажа)

ISBN 5-699-14364-5

«– Да шевелитесь вы, жеребцы! Шевелитесь, любезники! Барыня заждалась, небось! И – щелчок кнута по перилам! И – еще раз – по плечам! Толпа молодых мужиков и парней ввалилась в просторную залу господского дома, в которой пахло свежeweмытыми полами и полыньeю, разбросанной тут и там „для отогнания блох“...»

ISBN 5-699-14364-5

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елена Арсеньева Страсти-мордасти (Дарья Салтыкова)

– Да шевелитесь вы, жеребцы! Шевелитесь, любезники! Барыня заждалась, небось!

И – щелчок кнута по перилам! И – еще раз – по плечам!

Толпа молодых мужиков и парней ввалилась в просторную залу господского дома, в которой пахло свежевывытыми полами и польню, разбросанной тут и там «для отогнания блох».

– По стеночке, по стеночке, – учил суетливый староста, расталкивая толпу и для острастки то и дело прищелкивая кнутом. – По стеночке станьте. Держитесь очестливо. Ежели барыня чего спросит, солому не жуйте – отвечайте споро. Да лыбьтесь, робята, лыбьтесь пошире, не жалеите зубов!

«Робята» покорно подперли стены. Но «лыбиться» не спешили. На лицах застыли испуг и тревожное ожидание. Медленно тянулись минуты.

– Скорей бы уж, – выдохнул красивый крепкий мужик с русой бородой. – Все одно – не миновать стать...

– А может, минует? – пробормотал тонкий и стройный юнец лет шестнадцати, не больше, черноглазый, с едва пробившимися черными усиками, еще безбородый. – Кабы обошло меня, я б, наверное...

– Если бы да кабы во рту б выросли грибы! – глумливо ухмыльнулся староста. – Помалкивайте, чада! Барыня едет!

Стены, чудилось, дрогнули: это задрожали прижавшиеся к стенам мужчины. В открытое окно донесся стук копыт, звонкий женский хохот – такой веселый, такой залиvistый и заразный, что по лицам, как ни были люди перепуганы, вспыхнули ответные улыбки. Да тут же и погасли.

– Берите его в беремья да волоките наверх, прямиком в опочивальню! – приказала та, что смеялась за окном. – Да побыстрее, косорукие! Не то...

Слышно было, как по лестнице торопливо протопали какие-то люди. Судя по тяжести поступи, они тащили какой-то груз. Вслед затем раздались легкие, летящие шаги, распахнулась дверь, ведущая в залу, и в проеме встала высокая и красивая женщина, одетая в простое синее платье – почти в цвет ее глаз. Темно-русые пряди полураспустившейся косы обвилились вокруг округлого полуобнаженного плечика, выглянувшего из распахнутого ворота. Стройный стан, щедрая грудь туго-натуго натянула ткань, белая нежная шея, алый рот, румяные щеки, соболиные брови, сияющие глаза, белоснежные зубы, влажно сверкающие в улыбке...

Сказка, а не баба!

Но самосветная улыбка ее, словно метлой, смела румянец с мужских лиц. Вдоль стен, чудилось, выстроились мертвецы, только что вставшие из могил. Отчетливо было слышно, как один, самый трусливый, выбивает дробь зубами. Кто дышал тяжело, запаленно, кто, наоборот, сдерживал дыхание...

– Ждете, желанчики мои? – хохотнула красавица, глядя в померкшие глаза. – Ждете, миланчики? Попусту! Нынче у меня трофей, с ним забавляться стану. Вы – гуляйте, жеребчики мои удалые. Пока – гуляйте! Гони их всех на выпас, Ерофеич! – махнула она старосте округлой загорелой рукой с маленькой крепкой кистью. – Пошли вон, а ну!

Мужики потянулись к дверям – сначала медленно, словно не верили своему счастью. Потом, почуввав свободу, ломанулись наперебой, давя друг друга.

– А ну-ка, стойте! – вдруг послышался барский окрик.

Те, кто успел выскочить в сени, сделали вид, что приказа не слышали: скатились с крыльца, опрометью кинулись со двора.

– Вот этого возьми, Ерофеич! – махнула барыня в сторону черноглазого парнишки, и староста проворно ухватил его за плечи, кинул ей в ноги.

Она нагнулась, погрузила пальцы в густые темные кудри, намотала на пальцы, чуть потянула...

Парень сдавленно вздохнул от боли.

– Чей такой... чернявенький? – проворковала барыня нежно, словно горлинка.

Он не отвечал, только дышал хрипло.

– Егорка, Володимера Дымова, сторожа с пасек ваших, младший сынок. Оленка, сестрица его, у вас в сенных девушках, а Егорка... подрос вот, – отвечивал за мальчишку староста.

– Вижу, что подрос!

Она дернула за черные кудри изо всех сил, и парень вскинул голову. Глаза его были зажмурены от боли.

– А ну, погляди на меня! – резко приказала барыня. – Кому сказала! Ну!

Егорка разомкнул веки, и она тихо засмеялась от удовольствия, глядя в черные, затуманенные болью и страхом глаза.

– Ерофеич, ты мальчишку покуда не отсылай, – приказала барыня. – Подержи в чуланчике. Может статься, мой трофей только с виду горяч да ладен, а на поверку слабаком окажется. Тогда я тебя покличу, ты мне этого ангелочка и представишь.

– Слушаюсь, матушка-государыня-барыня! – покорно забормотал староста. – Над нами ваша господская воля, что ни велите, все сделаем!

– А ты? – шепнула она, не отрываясь от налитых ужасом глаз Егора. – Ты сделаешь ли все, что я велю?

И, вдруг склонившись к его запрокинутому лицу, впиалась в губы таким поцелуем, что парень дышать перестал, застонал, забился, но староста схватил его за плечи и придержал. Когда барыня оторвалась наконец, рот ее был в крови, так сильно она искусала губы Егора.

– Жди, слышишь? – велела она, распрямляясь. – Жди!

И, алчно облизав окровавленные губы, стремительно вышла вон, хлопнув дверью.

Староста с усилием перевел дух, перекрестился. А Егорка безвольно согнулся, уткнулся лбом в пол. Его так и трясло.

Затрясешься тут небось...

«Вот все говорят: старость, мол, – беда, молодость – радость, – размышлял, глядя на узкую согнутую спину с цепочкой позвонков, Ерофеич, который был немножко философ, хоть слова такого не знал и в жизни не слышал. – А ведь предложи сейчас кто-то всемогущий Егорке, чтобы поменялся со мной годами, – ведь поменяется за милую душу, да еще в ножки станет кланяться и благодарить!»

Сам Ерофеич каждодневно благодарил Господа за то, что молодость и мужская сила его давно уже канули в прошлое, а значит, ему не приходится переносить ежедневных осмотров матушки-барыни, которая выбирала себе постельную утеху на ночь из числа самых молодых, сильных и красивых мужиков. Крестьян мужского пола было в ее распоряжении триста душ, так что из кого выбирать имелось-таки! Порою брала она сразу двоих, да покрепче статью, чем этот мальчишка. Нет, не пережить Егорке этой ночи... Уходит ведь она его, до смерти загонит молодого жеребенка, запалит, а то и плетью засечет, коли он ее не натешит. А разве он сможет? Ну какая еще в нем сила, в юнце хлипком, ему б года два еще дозреть... Но коли барыня его заметила, то уже не отвяжется. Хватка у ней мертвая! Ох, не миновать слезы лить в семье сторожа Володимера Дымова...

– Пошли, раб Божий Егор, – вздохнул Ерофеич с жалостью. – Посидишь в чулане, маленько отдышишься. Да погоди, не трясись: глядишь, и минует тебя чаша сия. Господь милосерд... Смотри какой там трофей у нее, конечно...

* * *

Оный трофей Дарья заполучила в собственном лесу. Гнала коня по просеке (любила она быструю скачку среди сосен и берез в жаркий день, когда лес пахнет смолкой, малиной, затаенной сыростью грибной), вдруг слышит – выстрел!

Она осадила коня, обернулась к двум неизменно сопровождавшим ее егерям-охранникам:

– Кого в лес допустили? Кому дозволили охоту? Без моего приказа? Засеку!..

И взметнула кнут, готовая обрушить его не на одни, так на другие плечи.

Она никому не позволяла даже помыслить о том, чтобы нарушить ее право собственности на эти земли, доставшиеся от деда, думного дьяка Автонома Ивановича Иванова. В конце прошлого, XVII, века он руководил Иноземным, Поместным, Рейтарским и Пушкарским приказами. Сначала нажил баснословное состояние в девятнадцать тысяч крепостных крестьян, однако со временем все богатство пошло прахом: внучке Дарье досталось всего лишь шестьсот душ, поэтому о собственности своей она и пеклась неустанно, готова была защищать ее с пеной у рта.

– Матушка-барыня, не вели казнить, вели слово молвить! – взвизгнул один из егерей, прикрываясь руками от готового хлестнуть кнута. – Никого мы в лес не пускали, видать, это кто-то пришлый, чужой самовольно прошел да охальничает! Да мы его сейчас...

И начали заворачивать коней.

– Тихо, не спугните! – пригрозила барыня. – Я хочу на него, на вора, сперва посмотреть!

Коней привязали к дереву, сами тихо пошли по тропинке. Человек – высокий, русоволосый, без жаркого и ненужного летом паричка, в простом, но ладном кафтане – стоял на опушке леса и чиркал что-то карандашиком в тетрадке, пристально глядя в сторону соседнего леса, принадлежавшего уже не Дарье Николаевне Салтыковой, а молодой помещице, недавно осиротевшей девице Пелагее Панютиной. Впрочем, это дура Палашка так думала, что лес ее, а Дарья Николаевна не стеснялась пересечь разделяющую владения межу, когда пускала коня вскачь по лесным тропкам. Коли Палашкин управляющий осмеливался и приходил жаловаться на салтыковских крестьян, порубивших панютинские леса либо затеявших там охоту, Дарья спускала на него собак, так что теперь он предпочитал закрывать глаза на соседские самоуправства и бесчинства, только бы не ходить с покусанными ляжками.

А может, прежний Палашкин управляющий взял да и ушел от нее? И это – новый радель за добро госпожи Панютиной? Коли так, не сносить ему головы за то, что осмелился стрелять в салтыковских лесах!

– А кто ты, сударь, таков? – громогласно спросила Дарья, неожиданно выскочив из-за дерева в двух шагах от неизвестного.

Егеря привычно зажали уши ладонями: голос у матушки-барыни зычный, гаркнет – что кулаком по голове приложит, а ведь и рука у нее тяжеленькая, у кормилицы... Они уже приготовились надрывать животики, глядячи, как этот умник с карандашиком начнет от неожиданности метаться, словно всполошенная курица, а то и грянется оземь без памяти.

Однако незнакомец и бровью не повел! Медленно обернулся, поклонился Дарье Николаевне, которая грозно глядела на него, уперев руки в боки, и отвечив:

– Капитан-инженер Николай Тютчев, сын Андреев, к вашим услугам.

– И что ж ты тут делаешь, в моем лесу, Николай, сын Андреев? И почему стрелял? – спросила вновь Дарья, изрядно удивленная отсутствием как трепета в членах, так и восхище-

ния во взоре молодого человека. Право слово, мужлан какой-то, а еще капитаном представляется!

– Я, извольте видеть, межевщик, занимаюсь межеванием и топографической съемкой земель близ Большой Калужской дороги, – пояснил Тютчев так же спокойно. – А стрелял потому, что в малинник ввалилась медведица, я ее и прогонял.

За его спиной и правду раскинулся огромный малинник, так что, может статься, он и впрямь не браконьерничал. Но этот выстрел уже не столь волновал Дарью Николаевну. О какой-то там топографической съемке она слышала впервые в жизни, однако слово «межевание» мигом привело ее в неистовство, потому что в самом звучании его крылось покушение на ее собственность. Выходило, этот красавец и вправду печется в салтыковских лесах об интересах Палашки Панютиной!

Перенести сие было Дарье невмочь. Она махнула рукой. Егеря выскочили из своей засады и навалились на Тютчева. Миг – тетрабочка его полетела в одну сторону, карандашик – в другую. Еще миг – один егерь полетел в одну сторону, а другой, само собой разумеется, – в другую. Тютчев кинулся было к лошади, вольно пасущейся неподалеку, однако Дарья проворно подобрала юбку и выставила ножку в сапожке со шпорою.

Тютчев споткнулся, не устоял на ногах и носом полетел в мягкую, сырую моховую прель. Егеря уже очухались и кинулись на него сверху. Малость потузив ради отмщенья за позор, коему подверглись на глазах барыни, егеря наконец скрутили межевщика, перевалили через седло его же коня и повезли в Троицкое, принадлежащее Дарье Николаевне.

Его отволокли в опочивальню к барыне и свалили на пол, словно куль.

Странно – отчего-то об участи своей Тютчев нимало не тревожился. Эта амазонка, которая одержала над ним мимолетную викторию благодаря кулакам своих вилланов, смотрела на него вовсе не взглядом землевладелицы, разозленной самоуправством какого-то незначительного чиновника-межевщика. Если глаза эти и пылали, то отнюдь не яростью, а... страстью. Тютчев уже слышал об этой даме, известной своим неистовым сластолюбием и свирепым нравом. Лишившись несколько лет назад супруга, ротмистра лейб-гвардии конного полка Глеба Алексеевича Салтыкова, двадцатилетняя Дарья Николаевна осталась вдовой с сыном Федором – и самоуправною хозяйкою дома в Москве, между Кузнецким мостом и Лубянкою, нескольких имений в разных губерниях, а также села Троицкого в Верхнем Теплом Стане. Уже обросли легендами рассказы о том, как она, подобно какой-нибудь растленной Клеопатре, выбирает себе любовников на одну ночь из числа крепостных, а потом либо награждает их за усердие, либо засекает чуть не до смерти, порой и до смерти. Впрочем, поговаривали, что мужчин она особенно жестоко не наказывает, а вот женщинам, горничным или крестьянкам, достается, причем за малейшую провинность, без всякого милосердия.

Росказни эти капитан Тютчев слушал вполуха и не слишком-то им верил, по опыту зная, что вокруг красивых женщин всегда клубятся всякие мифы и легенды, порою даже похлеще, чем вокруг баснословных богинь Эллады. А Дарья Николаевна Салтыкова и впрямь оказалась ему красавицей... возможно, излишне сладострастной. Однако Тютчев и сам был мужчиной пылкий, на унылых, невзрачных «монашек», вроде нанимательницы своей, Пелагеи Денисьевны Панютиной, смотрел со скукою, с трудом скрывая зевоту, – именно поэтому он ждал появления Дарьи Николаевны без страха, но не без волнения... Он уже предвкушал, как, велев его развязать, она начнет плести вокруг него милые, незамысловатые женские сети, пытаясь уверить, что силком затащила его в свой дом исключительно затем, чтобы побеседовать с ним об окрестных лесах, молодая поросль в которых ежегодно заполняет межи и стирает границы меж владениями разных помещиков. А при этом станет извиняться и отводить в сторону свои очень красивые, но достаточно блудливые, как успел заметить Тютчев, глаза. Потом, конечно, она пригласит его к столу, ну а там будет уже поздно уезжать, и ему придется остаться ночевать.

Ну и, конечно же, коли ночью взбредет ему охота побродить по дому, то он непременно узрит свет в опочивальне хозяйки. Она испугается его появления, ну и придется, само собой разумеется, успокоить и утешить прекрасную даму, такую смелую – и такую робкую при том, что она, ясное дело, не сможет противиться нежному натиску случайного гостя... Главное, напомнил он себе, ты, брат Тютчев, не забывай, что пред тобой (в смысле, под тобой!) окажется нежная, благородная дама, а не какая-нибудь там маркитантка, ко всему привыкшая!

Капитан Тютчев столь далеко залетел на крыльях своих мечтаний, что пропустил появление в комнате хозяйки. Она ворвалась в дверь и стала над ним, лежащим на полу, – тяжело дыша приоткрытым ртом, и вздымая груди, и сверкая прекрасными глазами столь сладострастно, что у Тютчева неровно забилося сердце. А в следующий миг...

А в следующий миг приключилось вот что.

Дарья Николаевна наклонилась к нему и одним движением рванула пуговицы на боку его кюлот¹, а потом стащила их с Тютчевых бедер, обнажив таким образом естество его, кое от скоромных мыслей успело уже прийти в боевую готовность и являло собою картину не вполне пристойную. А потом она подняла юбки – и с проворством, выказывающим изрядную сноровку, насадила себя на сей гладко отесанный кол, даже не позаботившись развязать руки обладателю орудия, коим она стремительно принялась причинять себе наслаждение и вскоре его обрела.

Однако Тютчев от изумления и растерянности (ему еще никогда не приходилось исполнять роль того искусственного члена, коим тешили себя распутные римлянки в отсутствие своих мужей или любовников... а порою и в присутствии, и даже при участии оных!) не смог изведать того же. Почувяв сие, Дарья Николаевна вновь его оседлала и вновь принялась стараться, и на сей раз старания ее увенчались успехом для обоих.

¹ Узкие, облегающие мужские штаны до колен с пуговицами внизу и на бедрах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.